

БАЛКАНЫ И МЕДИТЕРАН

Книга содержит четырнадцать теоретических и сравнительных литературно-критических статей. В первых трех статьях говорится о средиземноморских, балканско-средиземноморских и балканских межлитературных центризмах. Сначала я ограничиваю данный центризм географически. Средиземноморье я разделяю вертикально на западную и восточную части прибрежных территорий и культур и указываю на два различных архетипа. Италия, создающая определенный предел, принадлежит к обоим культурным архетипам, так как в восточной части неславянские народы соприкасались со славянами, тогда как в западной части развивались взаимные отношения неславянских народов и их культур.

В дальнейшем я предлагаю периодизацию отдельных средиземноморских и балканско-средиземноморских межлитературных центризмов. Я указываю на сложное отношение культурного (значит, и географического) центра и периферии и на значение их чередования для развития культуры в рамках отдельных межлитературных центризмов. На это чередование я указываю на примере греческой континентальной литературы и культуры и литературы и культуры островов.

В своем изложении о восточных средиземноморских центризмах я привожу новый термин «тыл», означающий литературу и культуру стран, непосредственно граничащих со средиземноморскими странами. На примере балканско-византийского (славянско-греческого) и далматинско-венецианского (итальянско-славянского) межлитературного центризма я документирую контакты т. наз. тыловых стран с средиземноморской культурой, с которыми часто формировали симбиоз (сожительство) в форме центра или периферии в рамках общекультурной общности. В рамках межлитературных центризмов я по новому применяю понятия мимесис, аналогия и культурная идея.

Средиземноморская и балканско-средиземноморская культура возникла, по моему, синтезом греческо-восточной, близко-восточной, понтской и византийской культур, которые развивались как на прибрежных территориях, так и на многих островах Средиземного и Адриатического морей. Именно потому я обращаю внимание также на литературу и культуру напр. Крита, Кипра, островов Додеканеза и Ионических островов, острова Хвар, Далмации и др. Каждая из приведенных литератур и культур, по нашему мнению, образовала в определенных исторических фазах самостоятельный (и иногда и особый) микрорегион. На примере критской и хварской (далма-

тинской) литератур я указываю на то, как менялись центры и периферии, как формировались, как перемежались и как временно и географически отдельные медитеранные межлитературные центризмы «переплетались».

Одной из характерных черт межлитературных центризмов является билингвизм и с ним связанная двойная принадлежность и билитературность. Поэтому я обращаю внимание на эту проблематику как в очерках о Меди-теране и Балканах, так и в дальнейших самостоятельных очерках.

Я также попытался определить (ограничить) балканско-медитеранные межлитературные центризмы, которые в течение исторического развития возникали и были составной частью нескольких культурных регионов или макрорегионов. Я отметил главные особенности балканского (славянского и неславянского) литературного развития и связанных с ним общекультурных центров, которые образовали межлитературный центризм (общность) или вне территории Балкан, или же были составной частью других межлитературных центризмов. Я подчеркиваю, что культурная коммуникация балканских народов была или «взаимно-балканская», «балканско-европейская», или «ориентально-европейская». Балканско-медитеранные межлитературные центризмы я разделяю в два основных типа: первый тип образуют межлитературные центризмы, в которых преобладают славянские языковые, литературные (общекультурные) элементы, во втором типе, наоборот, преобладают неславянские языковые и литературные элементы (греческие, латинские, итальянские и др.).

По моему мнению, кирилло-мефодиевская общекультурная традиция является составной частью балканского межлитературного центризма данного периода.

Балканско-медитеранные межлитературные центризмы характеризует, напр., довольно обширная апокрифическая литература, которая тематически, текстуально и мотивами обогатила многие художественные произведения западноевропейских литератур.

В рамках балканско-медитеранных и далматинско-венецианских (итальянско-славянских) межлитературных центризмов я обращаю внимание на медитеранные элементы в литературе далматинского (восточно-адриатического) побережья, особенно на литературу т. наз. хварского культурного центра, на вопросы т. наз. медитеранной «койнэ», я указываю на некоторые явления, присущие только или прежде всего культуре Адриатического, Эгейского, Средиземного и Черного морей, напр. соливарни, оливы или виноградарство, народные песни об экономической эмиграции, сознание «балканскости» как знак принадлежности к этой общности, многие совместные языковые элементы, напр. в говоре моряков, рыбаков, торговцев, в терминологии из области геоморфологии, фауны и флоры, тематическое и эмоциональное сочетание литературы с морем,

являющимся источником вдохновения и др. При этом я указываю также на некоторые совместные народно-поэтические, архитектурные и другие элементы, которые связывают Балканы с карпатским регионом.

В двух тематически тесно связанных очерках я пишу об одном из основных явлений во взаимоотношениях между двумя литературами в рамках межлитературных центризмов и общекультурных общностей, которым является двойная принадлежность. Я указываю на то, как это явление тесно связано напр. с языком произведения в определенном культурно-историческом контексте.

На основе нормальной триады: изгнание (эмиграция)-билингвизм-билитературность я привожу многие конкретные примеры авторов с двойной принадлежностью из истории чешской, польской, словацкой и русской литератур, из истории балканских, скандинавских и других европейских и внеевропейских национальных литератур. Функция текста, отражающаяся прежде всего в языке, является, по моему мнению, одним (а может быть, единственным) критерием уточнения и определения двойной (тройной) принадлежности автора или литературного произведения.

Свои изложения об этой проблематике я наконец синтезировал так, что определил точные критерии, которые европейская литературная история должна всегда соблюдать при всякой оценке жизни и деятельности того или другого автора и при разработке истории национальной литературы. Определение правильной позиции авторов этого типа является особенно в настоящее время весьма актуальным, так как они демонстрировали сожительство народов и культур, рас и национальностей в рамках межлитературных и общекультурных общностей.

В условиях диглоссии и билингвизма возникали также многие произведения, написанные на региолектах, наречиях или же на т. наз. микроязыках. Потому мне представлялось целесообразным написать о т. наз. славянских микролитературах именно в связи с билитературными авторами и с писателями с двойной принадлежностью.

В более обширном обзорном очерке я слежу за кирилло-мефодиевской традицией в чешской и словацкой литератур и в специальных трудах чешских и словацких ученых. Деятельность солунских братьев Константина-Кирилла и Мефодия и их учеников в Великой Моравии является началом балканско-чешско-словацких культурных взаимоотношений.

На фоне связей поэта Симы Милутиновича-Сарайлии с чешскими деятелями периода возрождения я устанавливаю уровень знаний чешского общества первой половины прошлого столетия о южнославянских народах, их языках, литературах и народно-поэтическом творчестве.

На основе переписки нескольких сербских и хорватских культурных и политических представителей прошлого века (напр. Станко Враз, Й. Ю.

Штроссмайер и др.) с Я. Э. Пуркине я пишу об одной из форм чешско-южнославянских культурных связей и об их интенсивности.

В самостоятельном очерке я занимаюсь чешско-черногорскими культурными взаимоотношениями. Я анализирую литературную деятельность Йозефа Голечека, для которого Черная Гора и славянский юг вообще стали на долгое время самым благоприятным источником его творческого вдохновения. Начиная с 50-ых годов XIX века вплоть до первых десятилетий нашего столетия Й. Голечек был самым заслуженным переводчиком и популяризатором народно-поэтического творчества южных славян у нас. В своих «черногорских рисунках» он изобразил многих воевод, среди которых особенно выделяется Марко Милянов.

Довольно обстоятельно разработано проникновение и принятие народного поэтического творчества южных славян прежде всего в славянских странах. Чешская, словацкая и неславянская фольклористическая наука, однако, обращала до сих пор недостаточное внимание на принятие народного творчества балканских славян в неславянских странах. Поэтому я обработал и анализировал его рецепцию в венгерской культурной среде второй половины прошлого века.

На примере поэтических и литературно-исторических произведений Иржи Волькера и его македонского «антипода» Косты Рацина я показал, каковы были их взгляды на «социальную» функцию искусства – идентичны, подобны или различны. Особое внимание я уделил проникновению поэтических, прозаических и драматических произведений Волькера в сербскую, хорватскую и словенскую культурную среду в 20-ых и 30-ых годах нашего столетия. Подобными методами я слежу за проникновением и принятием новой македонской литературы и поэтических произведений Косты Рацина в Чехии и Словакии.

С моими изложениями о чешском и македонском поэтах социальной литературы связан очерк, в котором я анализирую некоторые совместные и специфические черты балканского славянского и неславянского межвоенного авангарда и указываю на то, как применялся один из главных принципов - принцип свободы. Я пришел к заключению, что в балканских литературах не господствовало идейное и стилевое единство экспрессионистического движения и его поэтики. Особенности были результатом как внутривосточного и культурного развития, так и интенсивности связей с европейскими художественными течениями. В очерке о некоторых теоретических вопросах перевода приводятся также конкретные примеры структурных, семантических, стилистических, лексикальных и других ошибок, прямо или косвенно указывается на язык художественного произведения и на элементы литературного восприятия, содержащиеся в переводе.